

Научная статья
УДК 343.01

Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирующая общественных отношений

Максим Викторович Бавсун, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Аннотация:

Введение. В настоящее время мы наблюдаем смену идеологического курса в институте государственного принуждения в целом. Это характерно не только для России, но и для большей части мирового пространства. Переоценка модели его развития, появление и доминирование новых идей, в т. ч. относящихся к пониманию антропологических особенностей организма человека, уже сейчас привели к формированию иного подхода к воздействию как к явлению и к его уголовно-правовой составляющей, в частности.

Методы. Настоящее исследование посвящено выявлению и обоснованию наличия идеологической составляющей в современной уголовно-правовой политике России, а также анализу форм ее объективации в законодательстве и правоприменительной практике. Сложность и многоаспектность поставленной проблемы, находящейся на стыке конституционного, уголовного права и политологии, предопределила необходимость использования широкого спектра общенаучных и частнонаучных методов познания. Методологическая основа исследования строится на принципах всесторонности, системности и объективности, позволяющих рассмотреть феномен идеологии в уголовном праве не как абстрактную категорию, а как реально действующий фактор правообразования.

Результаты. Происходящая трансформация со средствами принуждения, изменения в их правовой регламентации, юридическом статусе и процедуре (в особенности в упрощенности) применения, отчасти носит беспрецедентный характер, разрушая всем привычные и исторически обусловленные догмы. Обоснование таких реформ не может быть бездейственным, требуя не столько детальной проработки, сколько общего направления, подчиненного целеполаганию, способного, в свою очередь, обеспечить требуемый для государства результат в противодействии преступности. Отсюда и формирование идеологии даже в рамках уголовно-правового воздействия, несмотря на ее формально-юридический запрет в Конституции Российской Федерации, видится объективной необходимостью. Речь при этом не ведется о нарушении установленного в Основном законе запрета, что абсолютно недопустимо. Острым сегодня является вопрос о формировании общей идеи направлений и пределов воздействия-принуждения в отношении тех, кто допустил общественно опасное поведение. При отсутствии центральной идеи это вряд ли возможно.

Ключевые слова:

идеология, уголовное право, идея, политика, принуждение, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования:

Бавсун М. В. Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 92–100.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The ideology of state coercion in the sphere of criminal law regulation of social relations

Maksim V. Bavsun, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

© Бавсун М. В., 2026

Abstract:

Introduction. We are currently witnessing a shift in the ideological trajectory of the institution of state coercion as a whole. This trend is characteristic not only of Russia but also of most countries worldwide. The reassessment of its developmental model, coupled with the emergence and dominance of new ideas, including those concerning the understanding of the anthropological characteristics of the human organism, has already led to the formation of a different approach to coercion as a phenomenon, and to its criminal law component in particular.

Methods. This study is dedicated to identifying and justifying the presence of an ideological component within modern criminal law policy in Russia, as well as analysing the forms of its objectification in legislation and law enforcement practice. The complexity and multifaceted nature of the problem, which lies at the intersection of constitutional law, criminal law, and political science, necessitated the use of a wide range of general scientific and specialised methods of cognition. The methodological framework of the study is built upon the principles of comprehensiveness, systematicity, and objectivity, allowing the phenomenon of ideology in criminal law to be considered not as an abstract category, but as a tangible factor in the legislative process.

Results. The ongoing transformation of coercive measures, changes in their legal regulation, legal status, and procedures (increasingly simplified) for their application, is in some respects unprecedented, overturning long-established and historically conditioned dogmas. The justification for such reforms is inherently ideological; it requires not so much meticulous detail but general direction, subordinate to a goal-setting framework, capable, in turn, of ensuring the results required by the state in combating crime. Consequently, the formation of an ideology even within the framework of criminal law action is seen as an objective necessity, despite its formal legal prohibition in the Constitution of the Russian Federation. This does not imply a violation of the prohibition established in the Basic Law, which would be entirely unacceptable. Today, there is a pressing need to form a coherent general concept regarding the directions and limits of influence and coercion applied to those who have committed socially dangerous behaviour. In the absence of such a central idea, this is scarcely achievable.

Keywords:

ideology, criminal law, idea, policy, coercion, criminal law enforcement

For citation:

Bavsun M. V. The ideology of state coercion in the sphere of criminal law regulation of social relations // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 92–100.

The article was submitted December 5, 2025; approved after reviewing January 22, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Идеология как категория и как явление в последнее десятилетие стала предметом изучения многих исследователей и объектом пристального научного внимания. То, что до 2013 года – до выступления Президента Российской Федерации на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»¹ – относилось к числу неупотребимых понятий, будучи практически табуированным в силу ст. 13 Конституции Российской Федерации², сегодня превратилось в популярную (именно так) тематику, писать о которой стало не просто необходимо, а, по сути, модно. Увы, но такое положение вещей, как правило, не добавляет «бонусов» ни самой проблематике, ни тем более ее грамотному, качественному и эффективному разрешению. Сама идеология за это время как правовая, политическая и социальная категория не претерпела ровным счетом никаких изменений³. Трансформировалось отношение к ней, сформировались некоторые подходы и попытки обозначить ее очертания, появились некие обоснования ее необходимости, но при этом никуда не делась упомянутая статья Конституции, остался фундаментальный «разлом» общественного сознания именно в этой части, усилилось противодействие Запада ее формированию, а также множество других факторов объективного свойства. По большому счету ничего в данном направлении не изменилось за исключением отношения, допускающего сам факт возможного позитивного восприятия идеологии современным обществом. Итогом является пока лишь предложение дополнительного исследования данной проблематики, сопровождающееся еще более ожесточенным клеймением якобы негативного опыта СССР (и не только), наряду с бесконечными опасениями возврата к тоталитарному государству, нарушению прав человека и т. д. [1; 2; 3, с. 242–244]. В современной России, отмечает П. А. Астафичев,

¹ См.: Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> (дата обращения: 31.05.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2024).

³ На глобальном уровне идет масштабная кампания по наполнению идеологии различным содержанием, в частности: постмодернизмом (и его многочисленными вариантами), постиндустриальным обществом, постчеловеком и пр. Вместе с тем сама идеология именно как категория от этого не меняется, оставаясь некоей формой с постоянно меняющимся содержанием. При этом ее отрицание на любом из возможных уровней никак саму идеологию не отменяет, представляя лишь определенную политическую «игру», далекую от реальности.

наблюдаются идеологические искания, что наглядно прослеживается, в частности, при анализе ряда конституционных поправок от 2020 года [4]. Именно в рамках таких исканий появились конституционные установления о защите исторической правды, об уважении к старшим и о вере в Бога [5].

Между тем нет общей идеологии, не может быть ее и на более «низком» (частном) уровне, например, региональном, отраслевом или предметном [6; 7]. Этот тезис, с одной стороны, логичен и ставит таким образом точку в любых начинаниях, направленных на исследование данной тематики, а с другой – он не всегда подтверждается фактически как раз на том самом более «низком» уровне. Продолжая декларировать в рамках официальной позиции отсутствие в нашем отечестве официальной идеологии, более того, сохраняя запрет на таковую в высшем законе, государство тем не менее просто вынуждено реагировать на происходящие события, тональность которых не позволяет обходиться лишь отдельными изменениями законодательной базы. Все, что происходит сейчас на нормативном уровне, сложно назвать простыми изменениями и дополнениями, как, впрочем, и использовать другую подмену понятий – совершенствование законодательного материала. Мы наблюдаем глубокую трансформацию подходов в правовом регулировании общественных отношений, появление новых средств и методов противодействия негативным явлениям любого свойства, основанных в т. ч. на ранее недоступных технологиях. Их разнообразие наряду с высокой динамикой появления все новых и новых событий, вынуждающих как законодателя, так и правоприменителя рефлексировать на происходящее, указывают на глобальность, а не ситуативность, и тем более не случайность наблюдаемых процессов. Вместе с тем их реализация не может носить спонтанный характер, и чем больше она будет объединена одной идеей, тем больше гарантий упорядоченности ответной реакции на любые процессы, включая и противодействие преступности.

Методы

Всеобщий диалектический метод служит фундаментальной основой всей работы. Его применение позволяет рассмотреть уголовно-правовую идеологию в развитии, выявить внутренние противоречия между конституционным запретом на государственную идеологию (ст. 13 Конституции Российской Федерации) и фактической политико-правовой практикой, направленной на защиту национальных интересов. Анализ и синтез применялись для расчленения сложного понятия «идеология уголовно-правового воздействия» на составляющие элементы: цели, задачи, принципы, средства и методы противодействия преступности. Синтез полученных данных позволил сформировать целостное представление об идеологическом векторе развития современного уголовного законодательства. Историко-правовой метод использован для выявления генезиса отношения государства к идеологии в сфере борьбы с преступностью. Сравнение с дореволюционным и советским периодами показывает, как менялась роль государства в формулировании ценностных оснований уголовной репрессии. Системно-структурный метод обеспечил рассмотрение уголовно-правовой идеологии не как изолированного явления, а как неотъемлемого элемента более общей системы – государственной политики обеспечения безопасности. Метод контент-анализа был применен для изучения текстов федеральных законов, посланий Президента Российской Федерации, программных документов политических партий и выступлений ключевых государственных деятелей. Это позволило выявить ключевые смысловые доминанты (лексемы «безопасность», «суверенитет», «историческая правда», «традиционные ценности»), частотность и контекст их употребления, что объективировало субъективные выводы о направленности идеологического воздействия. Также в исследовании применялись частнонаучные (юридические) методы. С помощью формально-юридического метода были исследованы конструкции новых составов преступлений (в сфере миграции, против основ конституционного строя), а также трансформация санкций в сторону их ужесточения. Данный метод позволил зафиксировать, как именно идеологические установки (непримиримость к врагам государства, защита традиционного уклада) трансформируются в конкретные юридические нормы и предписания. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российских тенденций с западноевропейским опытом. Метод юридической герменевтики (интерпретации) оказался востребован при толковании конституционных положений об идеологическом многообразии. Применялись и специфические методы исследования: политико-правовой анализ применен для оценки влияния внешнеполитических факторов (события 2014 года, начало специальной военной операции) на внутреннюю уголовную политику; антропологический подход использован для объяснения глубинных причин востребованности идеологии. Опираясь на

идеи о том, что корни ответственности лежат в структуре общественных отношений и психологии эпохи, мы обосновываем, что жесткость уголовно-правовой реакции является не произволом законодателя, а ответом на коллективные, часто иррациональные, ожидания безопасности и защиты. Применение данного комплекса методов позволило не только констатировать наличие идеологических начал в современном уголовном праве, но и раскрыть механизмы их формирования, обосновать их объективную обусловленность и предложить авторское видение перспектив развития идеологии уголовно-правового воздействия как системного фактора противодействия преступности.

Результаты

Безусловно, уголовно-правовая сфера регулирования общественных отношений здесь не исключение, а скорее, наоборот, одна из базовых для внедрения и реализации центральной идеи, способной оказать влияние не просто на уголовное законодательство, а на сознание общества в целом. События, происходящие в нашей стране, начиная с 2014 года (кризис на Украине) и в мировом пространстве с 2022 года (по сути, начало военного столкновения России и объединенного Запада) повлекли за собой изменения всех сфер жизнедеятельности человека на беспрецедентном уровне. Правовое регулирование общественных отношений, включая и его уголовно-правовую сферу, не просто не могут оставаться в стороне от происходящих событий, они должны быть в авангарде трансформации общественных отношений. Вопрос лишь в том, насколько эта трансформация будет закономерной или доминирующей останется все-таки рефлексия на происходящее, направленная на постоянное реагирование на появляющиеся проблемы, но не способная оказывать какое-либо системное воздействие.

В свою очередь, идеология – это именно то начало, которое способно выступить в качестве системообразующего фактора любой деятельности, включая совершенствование механизма уголовно-правовой охраны. Не утверждая, что отдельные ее проявления уже сегодня можно проследить в отечественном уголовном законодательстве и практике его применения, тем не менее нельзя не сказать, что их анализ крайне интересен с точки зрения данной категории. Формат поведения как законодателя, так и общества в целом⁴, с учетом степени вторжения происходящих событий в сферу национальных интересов, становится все более жестким и непредсказуемым, а принимаемые при этом решения – все менее компромиссными и терпимыми, в т. ч. по отношению и к отдельным лицам или их категориям. Жесткость и непримиримость ответной реакции становятся все более последовательными в современной уголовной политике, что в целом соответствует той трансформации общественных отношений, которые наблюдаются в последние несколько десятилетий.

Очевидность данного тезиса находит соответствующее подтверждение в многочисленных изменениях отечественного уголовного законодательства, направленность которых по большей части не оставляет сомнений. В частности, речь идет о таких тенденциях его развития, как появление и развитие средств безопасности и контроля⁵, изменение отношения к ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних, конституционного строя и безопасности государства, семьи и несовершеннолетних, основ государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, экстремистского и террористического характера и некоторых других посягательств [8]. Это также миграция как глобальное явление, и обусловленные его развитием вопросы, которые в последнее десятилетие приобрели по-настоящему ключевой характер. В современных условиях все более актуальными становятся проблемы устойчивости государственной власти и территориальной целостности государства – сохранение его самоидентичности и некоторые другие явления и вызовы, сдерживать которые на уровне рефлексии, реагируя лишь на частные случаи, невозможно. Системность воздействия должна быть обеспечена центральной идеей, наличие которой в целом уже сегодня можно проследить на конкретных примерах реагирования государства на каждое из перечисленных выше явлений.

⁴ Сегодня существует немало примеров того, когда общество буквально требует наиболее жестких мер реагирования на происходящие события, причем любого характера, как связанные с уголовным законодательством, так и нет (См., например: Мединский: после украинских терактов россияне требуют удара «Орешника» по Киеву // Ведомости (Vedomosti) : [сетевое издание]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/06/09/1116130-medinskii-rossiyane-trebuyut> (дата обращения: 21.09.2025).

⁵ В том числе и в смежных отраслях правового регулирования, например, в административном законодательстве. В частности, речь идет о появлении нового режима высылки иностранных граждан, а также институте пробации.

Процессы криминализации наряду с ужесточением наказаний за преступления, относящиеся к перечисленным группам, указывают на категоричность государства в его отношении к их общественной опасности, а соответственно, и к тем мерам, которые необходимы для противодействия им в дальнейшем. Можно ли в данном случае говорить об идеологии противодействия, или это не более чем некие тенденции развития законодательства с учетом меняющихся реалий? Ответ на этот вопрос не может быть получен безотносительно обращения к политической ситуации в стране и в мире, к факторам, оказавшим непосредственное влияние на трансформацию уголовного законодательства в данной его части. Не криминологический, а именно политический аспект становится определяющим в решении вопроса о наличии или отсутствии идеологии в происходящих процессах.

Нельзя не признать, что к одной из наиболее динамично меняющихся сфер правового регулирования в последнее время (особенно после начала специальной военной операции на Украине) относится миграция, воздействие на которую, пожалуй, можно признать по-настоящему последовательным и комплексным, хотя и небезупречным. Однако в данном случае речь должна идти не об огрехах в принимаемых решениях, а именно об их системности, пронизанной центральной идеей. Признание существования отмеченных критериев позволит вести речь и о наличии идеологии, по крайней мере в данном отдельно взятом сегменте противодействия преступности. Впрочем, это же будет означать и проявление идеологической составляющей у государства в целом, т. к. противодействие преступности представляет собой исключительную прерогативу власти.

Между тем, если обратиться к законодательству в целом, а не только к его уголовно-правовому блоку, можно увидеть, что действия государства, в частности, в данном направлении, не просто последовательны, они действительно пронизаны единой идеей, суть которой все больше сводится к обеспечению безопасности общества. В свою очередь, ее реализация практически полностью исключает какие-либо ограничения в части применения и последующей реализации, т. к. ее подчинение началу целесообразности является тотальным. Безусловно, такая трансформация происходит не сама по себе, она находится под давлением различного рода обстоятельств, а конкретно в данном случае – обстоятельств политического характера. Обойти вновь появляющиеся факторы по-другому не представляется возможным, что делает изменение законодательной базы неизбежным. Но эта же неизбежность диктует и ту идею, которая отвечает современным вызовам и угрозам, позволяя сформировать требуемую совокупность средств реагирования.

Идеология формируется не сама по себе, она абсолютно зависима от тех угроз, которые являются наиболее острыми в определенный временной промежуток. Более того, чем серьезнее эти угрозы, тем выше вероятность постановки самого вопроса относительно необходимости формирования идеологии как таковой⁶. При этом именно политический фактор выступает в качестве одного из наиболее значимых в данном вопросе, поскольку способен быть системообразующим в силу своей высокой значимости. Именно это мы и наблюдаем сегодня, когда позиция законодателя оказалась под серьезным давлением политических событий, оказывающих самое серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности каждого россиянина в режиме реального времени (в масштабе жизненного цикла отдельно взятого человека) и выглядят как нечто экстраординарное, катастрофичное и единственное в своем роде, а соответственно, требующее не менее исключительных (чрезвычайное законодательство) и срочных мер реагирования.

Многие догмы и стереотипы, казавшиеся до определенных событий совершенно незыблемыми, оказались ничтожными перед лицом новых и абсолютно неожиданных событий, спровоцированных внешнеполитической повесткой. То, что еще несколько лет назад представлялось совершенно невероятным, сегодня превратилось в норму, точно также повлияв и на отечественное законодательство, включая и его уголовно-правовую составляющую. Оно трансформировалось не просто технико-юридически, оно уже давно видоизменилось идейно⁷. Это сложно признать, особенно с доктринальной точки зрения, догматизм которой вполне объясним прежде всего с исторических позиций. Однако нельзя не признать и того, что преодоление догм становится возможным как раз через появление и реализацию новых идей, особенно когда они

⁶ Именно характер таких угроз в начальный период формирования молодого Советского государства и выступил причиной продуцирования идеологии как обязательного условия сохранения власти, развития общества и государства, а также появления перспектив его существования в дальнейшем. Это также было крайне важно с позиции трансформации прежнего общества и создания его принципиально новых основ, нового человеческого капитала, совершенно необходимого для создания иного миропорядка.

⁷ Вопрос лишь в том насколько вновь появляющиеся конструкции, являющиеся носителями новых идей, способны обеспечить взаимосвязь базовых институтов с предполагаемыми результатами, насколько при этом сохранится «дух» права, его традиции и преемственность?

транслируются государством, что свидетельствует об их соответствующей поддержке со стороны власти. Без этого ни о какой идеологии говорить невозможно, так же как нельзя вести речь и о новых, сколь-нибудь значимых результатах в механизме государственного принуждения.

В этом отношении идеология – мощное средство преодоления не только догм, но и давно накопившихся проблем в сфере правового регулирования общественных отношений. Возможный «скачок» за счет появления центральной идеи в данной части реализации государством своей власти может многократно превышать длительные процессы эволюционного характера. При этом сами методы реализации такой идеи могут быть различными, включая как непосредственно трансформацию уголовного законодательства, так и появление чрезвычайных нормативных правовых актов, зачастую откровенно и весьма бесцеремонно вторгающихся в уголовно-правовую сферу. С одной стороны, они нарушают все допустимые правила и те самые традиции, на которых базируются основы уголовного права, его основные институты и категории. С другой – это всего лишь способ реализации новых идей, который является единственно возможным в условиях доминирования сформировавшихся правил нормативного регулирования общественных отношений. Зачастую именно такие акты несут в себе идеологический заряд, выступая в роли необходимых звеньев зарождающейся идеологии государства в его деятельности по борьбе с преступностью в качестве эффективного средства преодоления догматизма.

Одним из первых сигналов трансформации официальной позиции власти в направлении ее непримиримости к отдельным видам преступности является принятие в 2006 году Федерального закона «О противодействии терроризму»⁸, предусматривающего возможность уничтожения водного или воздушного судна в случае его захвата террористами и создания реальной угрозы причинения вреда объектам ядерной инфраструктуры или иного жизнеобеспечения. По сути, совершенно беспрецедентный по своей жесткости акт ко всему прочему выходит далеко за пределы своих правовых полномочий, подменяя собой уголовный закон в части регламентации им института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Затем последовали масштабные изменения в уголовной политике в части реакции государства на преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, экстремистские посягательства, нарушения миграционного законодательства и некоторые другие группы общественно опасных деяний [9]. Важно, что ужесточение позиции государства по целому блоку вопросов носит исключительно системный и целенаправленный характер – оно пытается защитить себя, что не только естественно, но и совершенно необходимо в новых условиях его существования. И как бы мы ни вели речь об отсутствии идеологии и ее официальном запрете в Основном законе, тем не менее невозможно отрицать тот факт, что все принимаемые изменения пронизаны единой идеей, позволяя вести речь о фактически сформировавшемся идеологическом уклоне в развитии современной уголовно-правовой политики.

С учетом того, что обозначенный законодателем тренд на ужесточение ответственности за преступления определенной группы неоднократно подтверждался различными актами чрезвычайного регулирования, отрицание идеологии даже с формальных позиций становится все менее объективным. При этом проявление идеологического аспекта происходит именно в системе государственного принуждения, уголовно-правовая составляющая которого, во-первых, наиболее репрессивна, а во-вторых, привлекает к себе наибольшее внимание общества. С учетом высокой его взаимосвязи со средствами, находящимися в административном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательствах и их полной интегрированности в государственно-правовую сферу воздействия на осужденного, нельзя говорить об отдельно существующем уголовно-правовом участке идеологии. Это невозможно в первую очередь в связи с высоким уровнем взаимодействия каждого средства принуждения со всеми аспектами его реализации, которые, как правило, затрагивают различные сферы правового регулирования. Уголовно-правовые отношения не существуют в отрыве от всей совокупности правового механизма регулирования общественных отношений, так же как и идеологический компонент не может быть реализован в рамках одного направления, при этом в других сферах оставаясь прежним.

Нет сомнений, что уголовно-правовое направление государственной идеологии занимает одно из центральных мест в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности общества [10]. В то же время нельзя недооценивать и роль других, не менее важных компонентов ее реализации, среди которых помимо собственно правовых присутствуют в чистом виде организационные, воспитательные, психологические и прочие элементы [11, с. 128]. В конце концов, «все

⁸О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

идеологии имеют один общий корень – психологию данной эпохи»⁹, которая по большому счету и определяет содержание принудительного воздействия на преступность в целом и на личность преступника в частности. И в этом отношении наполняемость уголовно-правового принуждения напрямую зависит от тех угроз, которые такие психологические установки диктуют. Что интересно, устанавливаемый при этом конституционный запрет на любую идеологию оказывается бессильным перед психологическими факторами, зачастую определяющими политику государства в его деятельности по противодействию преступности.

Сам по себе психологический аспект в значительно большей мере агрессивен, чем формализованный, пусть он даже выражен в Основном законе государства. Последний подлежит трактовке, неоднозначному пониманию, расширительному толкованию и т. д. Психологически он оказывает влияние на естественные чувства и эмоции не только отдельного человека, но и на коллективное и бессознательное, когда реакция законодателя начинает носить рефлекторный, защитный характер, невзирая ни на какие запреты и установки, транслируемые правом. Тем более если учесть тот факт, что эти установки были сформулированы, по сути, в другой эпохе, а вызовы и угрозы являются реальными именно сейчас. Их устранение не просто необходимо, но жизненно и практически неизбежно. Сам факт их наличия при этом вызывает простую человеческую реакцию противодействия и защиты. И чем более целенаправленной и последовательной эта угроза является, тем более целенаправленными и последовательными будут действия по ее локализации и устранению.

Специалисты в области конституционного права аргументацию в части возможности двойственного толкования, казалось бы, категоричного запрета на идеологию прямо подтверждают. Так, А. М. Цалиев отмечает, что конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию должен пониматься не как запрет на государственную, в смысле конституционную идеологию, который никак не соотносится с мировой конституционной практикой [12, с. 41], «...но, скорее, как отрицание *официализации партикулярной идеологии* в качестве одной-единственной государственной идеологии с вытекающими из этого социальными и юридическими „принудительно-обязательными“ последствиями» [13].

Более того, отстаивая право государства на обладание собственной идеологией, И. В. Приставкин отмечает, что «Конституция не запрещает никому, в том числе и государству, вырабатывать и пропагандировать свою идеологию» [14, с. 9]. И именно психологический фактор оказывается в роли того, который выступает главным при принятии конкретного решения, позволяя трактовать прямой запрет на любую из идеологий, как неоднозначный или даже, как ничего не запрещающий. Отсюда и жесткость тех реакций, которые мы наблюдаем сначала с 2012 года (события на Болотной площади), а затем с 2022 года (начало специальной военной операции на Украине). Законодатель на протяжении последних двух десятилетий, несмотря на его активную критику как в доктрине, так и в обществе в целом, демонстрирует сокращение лояльности к наиболее опасным формам преступных проявлений. Его систематическая деятельность, направленная на поиск новых форм и методов противодействия таким явлениям, говорит сама за себя. И это уже само по себе есть не что иное, как идеология в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений.

Она, кстати, в определенной степени соответствует подходу, демонстрируемому в западноевропейском уголовном праве и законодательстве, где обеспечение безопасности общества выступает в качестве основной задачи, решение которой объясняет выбор любых средств противодействия преступности. Именно это и составляет основу ее идеологии, где начала целесообразности традиционно доминируют. Сформированные при этом антропологические предпосылки такого подхода лишь придают ему ту самую стройность, которая характерна и для идеологии государственного принуждения в целом, и для ее уголовно-правовой составляющей в частности. Антропологическая основа появления значительного числа средств воздействия на тех, кто совершил преступление, создала необходимые условия для формирования механизма такого принуждения в целом, как общую идею и предпосылку одновременно. Это лишний раз подтверждает тезис, согласно которому «...корни юридической ответственности следует искать не в законодательстве, а в сущности, содержании и структуре господствующих общественных отношений, что выходит за рамки непосредственного предмета правоведения» [15, с. 25]. Именно это и определяет идеологию воздействия на преступность в целом, в рамках которой осуществляется выбор конкретных средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Представление государства о желаемом облике общества в будущем, а не в текущий момент, задает вектор его развития, а идеология служит инструментом, обеспечивающим движение в соответствии с этим вектором. Идеологическое расхождение в понимании сущности человека,

⁹Плеханов Г. В. Сочинения : [в 24 т.] / под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. Москва : Государственное издательство, 1923. Т. X. С. 190–191.

а следовательно, и природы происхождения его поведения, в конечном итоге привело к идейным расхождениям в выборе конкретных средств противодействия преступности, в уголовной политике и в обеспечении криминологической безопасности на Западе и у нас.

В свою очередь, нельзя не признать, что на современном этапе механизм уголовного давления как за рубежом, так и в России в большей степени зависим от политической, чем от любой другой (пусть даже и исторически обусловленной) составляющей. Что характерно, эта составляющая в разных обществах кардинально отличается друг от друга. И это тоже идеология. То, что мы сегодня видим на политической арене, есть не что иное, как столкновение двух мировоззренческих подходов, существование которых в безыдейном пространстве невозможно априори, что делает все рассуждения относительно недопустимости идеологии как таковой несостоятельными. К сожалению, уголовное законодательство (как и уголовное право) в очередной раз оказывается в роли обычного инструмента, одного из средств взлома прежних отношений, типичных для данной отрасли правового регулирования (охраны). Политизированность его самого, как впрочем, и всех его базовых категорий, таких как преступление, наказание и ответственность, исторически предопределена, а их зависимость от диктуемой политическим строем идеи вполне естественна, лишней раз подтверждая прямую зависимость средств и методов государственного принуждения в уголовном праве в соответствии с потребностями в деле противодействия преступности. При этом именно современный этап характеризуется достаточно выраженным проявлением идеи, нашедшей свое отражение прежде всего в уголовном законе. Политические, экономические и социальные условия вынудили законодателя идти по пути ужесточения государственного принуждения за наиболее опасные посягательства, предложив при этом большее количество альтернатив за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Разрыв между ними становится все больше, таким образом обеспечивая реализацию как начала экономии уголовной репрессии, так и идеи ее непримиримости по отношению к тем, кто допускает наиболее опасные проявления для общества и государства.

Список источников

1. Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>.
2. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.
3. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Власть и идеология в России: от провиденциализма и революционного мессианства к современным реалиям : монография. Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025298 с.
4. Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 5. С. 24–47. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.24.47>
5. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
6. Наумов А. В. Идеологические основы уголовного закона / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сборник научных трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Сателлит, 2008. С. 56–59.
7. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, перспективы, проблемы. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. 559 с.
8. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 483–493. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).483-493](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493)
9. Бавсун М. В. Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2 (97). С. 159–164. <https://doi.org/10.24412/1999-615X-2025-297-159-164>.
10. Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 131–138.
11. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение : [монография]. Москва : Норма, 2011. 384 с.
12. Лебедев В. А. Конституционная идеология – идеология демократии / Современные проблемы конституционно-го и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : материалы международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакян. Москва : Издательский дом РоЛиКС, 2010. С. 40–44.
13. Цалиев А. М. О государственной идеологии в контексте ст. 13 Конституции Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4. С. 82–92.
14. Правкин И. В. К вопросу о содержании правоохранительной системы России // История государства и права. 2008. № 13. С. 7–10.
15. Похмелькин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1990. 178 с.

References

1. Nisnevich Yu. A., Ryabov A. V. *Sovremennyy avtoritarizm i politicheskaya ideologiya* // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 162–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>.
2. Medushevskii A. N. *Kognitivno-informacionnaya teoriya kak novaya filosofskaya paradigma v gumanitarnom poznanii* // Voprosy filosofii. 2009. № 10. S. 70–92.
3. Goncharenko L. N., Avakova E. B., Kuznecov A. A. *Vlast' i ideologiya v Rossii: ot providencializma i revolyucionnogo messianstva k sovremennym realiyam : monografiya*. Sankt-Peterburg : Izdatel'sko-poligraficheskaya associaciya vysshih uchebnyh zavedeniy, 2025298 s.
4. Maslennikova S. V. *Ideologiya konstitucionnyh popravok 2020 g. v sfere social'nogo i ekonomicheskogo razvitiya* // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. T. 14, № 5. S. 24–47. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.24.47>
5. Astafichev P. A. *Konstitucionnyj zapret na gosudarstvennyuyu ili obyazatel'nuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinal'nom osmyslenii i obosnovanii* // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 8. S. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
6. Naumov A. V. *Ideologicheskie osnovy ugovolnogo zakona / Ugolovno-pravovoj zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoj prestupnost'yu : sbornik nauchnyh trudov / pod red. N. A. Lopashenko*. Saratov : Satellit, 2008. S. 56–59.
7. Aleksandrov A. I. *Ugolovnaya politika i ugovolnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti : istoriya, sovremennost', perspektivy, problemy*. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. 559 s.
8. Bavsun M. V. *Vliyanie faktorov geopoliticheskogo haraktera na izmenenie ugovolno-pravovoj politiki gosudarstva* // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9, № 3. S. 483–493. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).483-493](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493)
9. Bavsun M. V. *Vydvorenije, deportaciya i rezhim vysylki kak inye mery ugovolno-pravovogo haraktera* // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 31, № 2 (97). S. 159–164. <https://doi.org/10.24412/1999-615H-2025-297-159-164>.
10. Bavsun M. V., Veklenko V. V. *Ideologicheskie osnovy ugovolno-pravovogo vozdejstviya* // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 5 (92). S. 131–138.
11. Lukasheva E. A. *Chelovek, pravo, civilizacii: normativno-cennostnoe izmerenie : [monografiya]*. Moskva : Norma, 2011. 384 s.
12. Lebedev V. A. *Konstitucionnaya ideologiya – ideologiya demokratii / Sovremennye problemy konstitucionnogo i municipal'nogo stroitel'stva: opyt Rossii i zarubezhnyh stran : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. S. A. Avak'yan*. Moskva : Izdatel'skij dom RoLiKS, 2010. S. 40–44.
13. Caliev A. M. *O gosudarstvennoj ideologii v kontekste st. 13 Konstitucii Rossijskoj Federacii* // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 82–92.
14. Pravkin I. V. *K voprosu o sodержanii pravoohranitel'noi sistemy Rossii* // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 13. S. 7–10.
15. Pohmelkin V. V. *Social'naya spravedlivost' i ugovalnaya otvetstvennost'*. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1990. 178 s.